

RU

Философские аспекты становления микро- и макроподходов в исторической науке

Казиев Э. В., Судакова Т. Г.

Аннотация. Цель исследования - критический обзор основных аспектов дискуссии о соотношении микро- и макроподходов в западноевропейской и российской исторической науке. Научная новизна заключается в рассмотрении указанных аспектов через философско-историческую проблему понимания субъекта исторического познания, отличающуюся в научной традиции соотношением коллективного и индивидуального в его трактовке. В результате установлено, что главной проблемой указанной дискуссии является невозможность отказа от универсальных исторических теорий при необходимости проведения конкретно-исторических исследований.

EN

Philosophical Aspects of Micro- and Macro-Approaches in Historical Science

Kaziev E. V., Sudakova T. G.

Abstract. The paper aims to provide a critical survey of the Russian and West European historians' views on the problem of correlation of micro- and macro-approaches in historical science. Scientific originality of the study lies in the fact that the issue is examined taking into account differences in approaches to defining the subject of historical cognition (an individual or a society). According to the authors, the difficulty is that the use of universal historical theories is essential when conducting historical studies in a particular research area, and it is the main problem.

Актуальность исследования. Продолжающаяся в исторической науке дискуссия о соотношении глобальных и локальных подходов при изучении исторического материала различных эпох и территорий делает актуальным рассмотрение философско-методологических аспектов интеграции категорий общего и особенно (коллективного и индивидуального), содержащихся в ряде концепций исторического познания, представленных в научной традиции в последние несколько десятилетий.

Достижение указанной цели исследования потребовало решения следующих **задач**: во-первых, рассмотреть становление микроисторического подхода в западноевропейской исторической науке; во-вторых, показать специфику становления микроисторического подхода в российской исторической науке; в-третьих, раскрыть общие дискуссионные аспекты антропологического поворота в историческом познании; в-четвертых, представить эпистемологические аспекты философских систем, касающиеся соотношения коллективного и индивидуального при интерпретации субъекта исторического познания и являющиеся философским основанием указанных подходов исторического познания.

В работе над представленным критическим обзором были использованы следующие **методы исследования**: диалектический и метафизический методы, методы сравнительного и системного анализа, а также логический и индуктивный методы общенаучного анализа.

Теоретической базой послужили работы М. Вебера [9], М. М. Бахтина [5], Л. М. Баткина [3; 4], Е. Л. Черновой [17], Е. В. Борисова [8], Ю. Л. Бессмертного [6; 7], А. Я. Гуревича [10; 11], Б. Г. Могильницкого [15], А. Людке [13], Ж. Ревеля [16], Х. Медика [14], П. Л. Бергера и Т. Лукмана [18], И. Н. Ионова [12], рассматривающие теоретические и философские аспекты соотношения макро- и микроподходов в историческом познании.

Практическая значимость работы заключается в определении некоторых философско-теоретических аспектов современного исторического познания, что будет способствовать адекватному представлению различного исторического материала в конкретных научных исследованиях.

В исторической науке сложились два различных методологических подхода, претендующих на представление всеобщих первопричин исторического развития, – макроисторический и микроисторический.

Сущность первого из этих подходов заключается в генерализации исторического опыта посредством создания макромоделей, отражающих возможные общие принципы устройства различных социальных систем, имевшие место в развитии этих систем на протяжении длительных временных промежутков. Макроисторический подход являлся доминирующим вплоть до последней трети XX столетия. В разных видах он был ориентирован на познание движущих сил исторического развития, имевших широкую трактовку, соответствующую разным социально-историческим эпохам (от божественного предопределения до диалектического взаимодействия производительных сил и производственных отношений), и рассматривал исторический процесс как прямолинейное движение к теоретически определенному финалу [15, с. 14].

Реакцией на преобладание в исторической науке социально-универсалистских концепций стал микроисторический подход, что нашло выражение в изменениях предметной области этой науки, начавшихся в 60-80-е гг. прошлого века, когда изучение макроуровневых структур и процессов стало заменяться «антропологизацией» истории, где предметом исследования оказывалось массовое обыденное сознание людей прошлых эпох, характеризующееся устойчивыми ментальными представлениями, существующими в символических системах (языке), в обычаях и ценностях, в психологических установках, а также в стереотипах восприятия и моделях поведения. Такой ракурс исследований можно представить как «историографическую вариацию» известного принципа Протагора о том, что «человек есть мера всех вещей» [20], тогда как следствием этой «историографической вариации» (или антропологического поворота) стало перенесение научных акцентов с уровня изучения глобальных структур на обывательский, повседневный уровень, в результате чего появились иные оценки феномена человека и его роли в процессе исторического развития.

Исторически первой научной школой, поставившей задачей реконструировать историю в ее всеохватности и целостности, не ограничиваясь при этом рассмотрением какой-либо одной ее стороны (политико-событийной, экономической, военной и пр.), были французские «анналисты» – М. Блок, Л. Февр, Ф. Бродель, – представлявшие собой группу единомышленников, сложившуюся вокруг журнала «Анналы», созданного в 1929 г. Уже один из ярких представителей второго поколения «анналистов» Ф. Бродель, введший в исследовательскую практику слово *микроистория* и ставший основателем *мир-системного* подхода в науке, полагал, что история состоит из трех уровней: 1) поверхностного уровня событий микроистории с ее короткими и быстрыми временными промежутками; 2) среднего уровня конъюнктурной истории, события которой составляют материальную жизнь, подчинены более медленному ритму и могут быть объединены в относительно протяженные экономические циклы; 3) высшего уровня структурной истории, время в которой почти недвижимо в своем соотношении неизменных ценностей, благодаря чему этот уровень для событий первых двух более быстрых уровней является «покоящейся осью вращения» [14, с. 193-194].

Вместе с тем наиболее часто выдвигаемыми аргументами оппонентов микроисторического подхода являются следующие: 1) методы, используемые в микроисторическом подходе с их концентрацией на микро-масштабных событиях, сводят историю к «анекдотическому антикваринизму»; 2) микроисторический подход романтизирует культуры прошлого; 3) поскольку адепты микроисторического подхода якобы имеют дело с относительно неизменными культурами, они не в состоянии исследовать новые и современные общества, характеризующиеся быстрыми изменениями; 4) из этого следует то, что микроисторический подход не может быть использован при исследованиях политической сферы [19, р. 113].

Однако следует признать, что во второй половине XX века микроисторический подход, в своем стремлении деглобализировать историю и отказаться от присущего ей эволюционизма, позволил мобилизовать исследовательский потенциал большого количества различных социальных групп, стремящихся обнаружить истоки своей территориальной, этнической, профессиональной, гендерной, групповой, региональной или любой другой идентичности, дав начало мощным историографическим направлениям.

Одними из первых таких направлений стали итальянская *Microstoria* и немецкая *Alltagsgeschichte / история повседневности*, имеющие предметом своего изучения обыденную человеческую реальность, интерпретируемую людьми как субъективная значимость, представляемая в качестве цельного жизненного мира в различных возможных аспектах, наиболее общими из которых являются: историко-культурный, политико-событийный, этнический и конфессиональный. Это определение подчеркивает двойственную природу повседневности: ее реальность организуется вокруг того, что являет собой «здесь» и «сейчас» для каждого конкретного человека, и потому глубоко субъективна; но при этом повседневная жизнь представляет собой мир, в котором человек живет и взаимодействует с себе подобными. Несмотря на различие целей и специфику своих источников, теоретиками истории повседневности повседневность/микроистория понимается как первичная и высшая реальность, феномены которой воспринимаются обывательским сознанием как система упорядоченных образов интерсубъективного мира, субъективная реакция на которые определяет индивидуальные мотивы и оценки повседневной деятельности [18, р. 33, 35-38].

Итальянская школа микроистории рассматривает малые территории и популяции прошлых эпох (города, деревни, отдельные семьи, кланы, общины) на предмет изучения повседневной жизни и ментальности «маленького человека» (обывателя), который прежде терялся в глобальных порядках традиционной истории. Для сторонников микроисторического подхода исследование случайного стало основой для реконструкции «множественных и гибких социальных идентичностей», возникающих и распадающихся в процессе функционирования сети связей и взаимоотношений (конкуренции, солидарности, объединения и т.п.), с тем чтобы историк посредством этой реконструкции мог установить взаимосвязь между различными способами «социального соединения (или разъединения)» и типами индивидуального поведения [16, с. 115].

В немецкую историческую науку интеграция микроисторического подхода происходила через первоначальное негативное отношение к нему значительной части академической среды, противопоставлявшей немецкую школу социальной истории зарубежной методологии микроисследований, которая представлялась немцам любительским историописанием. По этой причине в Германии становление микроисторической методологии происходило как процесс модернизации традиционной социальной истории. Залогом успешности этой модернизации стала идейная опора на немецкие научные авторитеты, главным из которых стал выдающийся немецкий социолог М. Вебер, соединивший в своих исследованиях социологические и исторические идеи для изучения протоиндустриальной Европы [17, с. 56-57]. Главным аспектом этого изучения стало представление соотношения эмпирико-исторических данных и социальной теории посредством классификации категорий или типов социального действия, которое М. Вебер понимал как действие (в том числе и пассивное), ориентированное на прошедшее, настоящее или ожидаемое в будущем поведение других [9, с. 625, 628].

Вслед за историей протоиндустриализации XVII-XIX веков поведение индивидов или их групп, обусловленное определенными ценностями и не следующее принятым системным порядкам, было выявлено немецкими учеными и в рабочей среде, существовавшей в XX веке в условиях функционирования тоталитарных режимов, что обострило полемику по поводу специфичности и общности исторических процессов. Так, А. Людтке, изучая историю рабочего класса Германии периода фашизма, полагал, что теория классового анализа К. Маркса никак не способствовала пониманию глубинных процессов в рабочей среде, определявшихся влиянием тоталитаризма, а не отношением рабочих к средствам производства [13, с. 77-80].

При всем разнообразии своих проявлений использование микроисторического подхода в конкретных исследованиях вело к ломке тотальных макроидентичностей (религиозной, имперской, национальной), запущенная процесс разрушения культуртрегерской составляющей структур исторической памяти, выражавшийся в том, что вера в априорно нормативные способы постижения ученым исторической истины сменялась представлением о множественности «режимов» этой истины, понимаемых историком через саморефлексию и его критическое отношение к структурным установкам собственного исследования, выражаемым в той или иной парадигме, в том или ином дискурсе или в том или ином нарративе – в феномене генерализирующего знания, порождающего и заполняющего разрывы «слов» и «вещей» [12, с. 88].

Как и интеграция методов истории повседневности в немецкую историческую науку, интеграция локальной истории общественных структур в советскую историческую науку происходила как процесс модернизации ее основополагающей научной социально-философской концепции. Однако если для немецких историков такой концепцией являлись идеи М. Вебера, то для историков советских все методологические трансформации не выходили, в большей или в меньшей степени, за рамки марксистской формационной теории. Определяющими для развития советской исторической науки стали труды М. А. Барга, А. Я. Гуревича и Ю. Л. Бессмертного, представивших различные варианты новой исторической теории, которая хотя и оставалась в идейных рамках формационной марксистской парадигмы, но при этом разрабатывалась как средний уровень этой парадигмы, детализировавший ее положения через исследования конкретной локально-исторической социальной и культурной специфики [Там же, с. 89-90].

М. А. Барг видел в конкретных исторических знаниях не только фактический фундамент, но и один из важнейших теоретических элементов исторического материализма. На этом основании он полагал главной задачей философско-исторической мысли разработку «промежуточного» уровня категориального знания, сводящего общие законы и категории исторического материализма с конкретными результатами исторического исследования. По мнению М. А. Барга, действительный синтез «опытного» и теоретического аспектов в исторических исследованиях должен подразумевать такую форму конкретизации, в которой общие социологические законы функционирования общества оказались бы историческими законами, а категории логики предстали бы в виде определенных исследовательских методик и процедур. Результатом таких исследований должна была стать детализация формационной теории, представленная типологией конкретно-исторических разновидностей общественно-экономических формаций, отражающая конкретную специфику истории отдельных народов [2, с. 250-251, 258-259].

Ю. Л. Бессмертный выводил основы синтеза общего и особенного в исторических исследованиях из дискуссионных положений постмодернизма и новой демографической истории, полагая, что именно политика, а также демография являются теми сферами, пространством которых благодаря высокой концентрации случайных и уникальных феноменов может позволить синтезировать структурно-типические и индивидуально-конкретные аспекты исторического процесса [6, с. 15; 7, с. 248]. Хотя Ю. Л. Бессмертный и критиковал парадигму постмодерна за ее приверженность анализу отношений не вещественного мира и мышления, но мышления и языка (текста), который, таким образом, оказывался нерелевантным внешнему миру, он разделял убежденность теоретиков постмодерна (Р. Барт, М. Фуко, Ж. Деррида) в том, что тотальность структуралистских формул разрушается (деконструируется) в актах их непосредственной реализации отдельными индивидами (прежде всего, в языковой практике), лишаящих эти формулы конечной определенности [6, с. 8]. Разделяя исторический процесс на достатистическую и статистическую эры (рубеж между ними проходит по XVIII веку), Ю. Л. Бессмертный разделял соответствующим образом и исторические источники, полагая, что отдельные фрагменты сохранившихся от древности и Средневековья частных и публичных описей различных местностей, в сравнении с документами упорядоченной статистики последующей эры, имеют сомнительную репрезентативность и их необходимо дополнять нарративными источниками [7, с. 249-250].

Однако такой конструктивный метод исторического исследования мало чем отличается (даже по названию) от метода деконструкции, используемого в постмодернизме, который, как отмечает сам Ю. Л. Бессмертный, состоит в том, чтобы избежать сведения смысла прочитываемого текста исключительно к авторской концепции (субъективным топосам) и обеспечивать понимание заложенного в нем бесконечного множества индивидуальных смыслов. Интерпретируя понятия и методы, употребляемые одним из основоположников постмодернизма – Р. Бартом, Ю. Л. Бессмертный уподобляет авторский топос, в его функциях навязывания определенной трактовки текста и подавления личностного сознания читателя/исследователя, власти как феномену культурного принуждения, которая является, таким образом, тотальной культурной идеологией, подразумевающей сочетание осмысленных (мировоззрение) и неотрефлектированных (мировосприятие) форм сознания [6, с. 7, 8].

Следует заметить, что проблема соотношения подходов микро- и макроистории, составивших содержание антропологического поворота в историческом познании, была и является предметом обстоятельной дискуссии в российской исторической науке, представляя собой методологическую рефлексию исторического научного знания, и в той или иной степени посвящена философско-историческому и культурологическому рассмотрению понятий *индивидуальность* и *личность*, которые один из участников этой дискуссии – Л. М. Баткин полагал исходными для всякого гуманитарного знания и его же конечной целью [4]. Будучи последователем М. М. Бахтина, Л. М. Баткин главным признаком культуры считал ее «семиотичность», представляя культуру как «смысловой мир, выраженный в текстах». Постигание этого смыслового мира, по мнению Л. М. Баткина, возможно через культурный диалог между исследователем того или иного текста и его автором, предстающим как «мышление Другого», при этом автор и исследователь в этом диалоге оказываются погруженными в материально-экономическое бытие структурной истории («большое время»), актуализируемое через его синтез с индивидуально-событийной историей («малое время»), а сам исследовательский процесс с его субъективной интерпретацией объектных (вещных) смыслов представляет собой бесконечный процесс совершенствующегося и дополняющегося знания [3, с. 12-14].

Главным оппонентом Л. М. Баткина в этом споре о методах и идеях был А. Я. Гуревич, называвший себя «социальным историком» [11, с. 86]. Несмотря на это самоопределение, эпистемология А. Я. Гуревича имеет схожий строй с эпистемологией Л. М. Баткина. По мнению А. Я. Гуревича, предметом историко-антропологического познания также является культура. Само же познание имеет своим началом экспликацию конкретной исследуемой культуры в идеальный тип или комплекс категорий, включающий в себя такие общие понятия, как *личность*, *социальный статус*, *собственность*, *время* и *отношение* человека к человеку; после этого через диалог исследователя и людей прошлого происходит соотнесение элементов этого идеального типа, в результате чего его общие абстракции обретают свою оригинальную неповторимость уникального человеческого мировосприятия прошедшей эпохи. На взгляд А. Я. Гуревича, без метода диалога «абстрактные величины» и статистический «динамизм» «новой демографической истории» Ю. Л. Бессмертного оказываются лишенными какого-либо ценностного содержания, тогда как широкая панорама конкретной эпохи, представляемая как фон при рассмотрении какого-либо ее исторического деятеля в исследованиях Л. М. Баткина, не позволяет оценить все общество и ведет к односторонней стилизации рассматриваемой эпохи [10, с. 239-240].

Несложно заметить, что Л. М. Баткин и А. Я. Гуревич обозначают одним словом *диалог* метод исторического исследования, решающего задачи микроанализа. Однако если одна сторона в этом диалоге (историк) у обоих исследователей является идентичной, то другая (личность человека конкретной эпохи) понимается этими исследователями различным образом. Л. М. Баткин, вслед за Л. Февром, полагал, что личность есть западноевропейский феномен, появляющийся в период Нового времени и являющийся основой современной культуры именно в своей противопоставленности общим нормам и установлениям, которыми личность руководствуется только в том случае, если эти общие нормы и установления пропущены через сознание личности и ею же порождены, тогда как во всеобщем, выступающем как «внеличностный императив», личности либо еще, либо уже нет [4, с. 68, 71-72].

В отличие от Л. М. Баткина, для А. Я. Гуревича именно такой индивид, включенный в социальное целое посредством своей принадлежности к той или иной микрогруппе (семья, приход, цех, сеньория и т.п.), и называется личностью, будучи вовлеченным в процесс усвоения присущего этой группе набора ценностей и, таким образом, приобщающимся к культуре. Главная же проблема исторического исследования, согласно А. Я. Гуревичу, состоит в том, как сочетать «современное видение истории и культуры прошлого с видением мира и человека, присущим носителям этой культуры» [11, с. 76, 85-86]. Для обозначения этой конкретно-исторической ментальности человека прошлого А. Я. Гуревич использует, как и Л. М. Баткин, социокультурную категорию *Другого* [3; 10, с. 242], которую оба исследователя непосредственно заимствовали из трудов М. М. Бахтина вместе с его концепцией *диалогизма*, основой которой является представление феномена культуры как текста, который только и может являться объектом для исследования и мышления, будучи субъективным отражением объективного мира [5, с. 297, 308].

Вместе с тем, по М. М. Бахтину, субъектный диалогизм межтекстуальных отношений предполагает не только наличие автора текста и его адресата, но и процесс понимания их диалога, производимый наблюдателем, или неким третьим, являющимся частью системы диалогической коммуникации. Позиция этого третьего и его понимание текста/высказывания вытекают из природы слова, состоящей в том, чтобы быть услышанным, и имеют не арифметический смысл, поскольку таких условных третьих лиц и их пониманий может быть бесконечное количество (вспомним о т.н. аргументе третьего человека в споре Платона

и Аристотеля об универсалиях [1, с. 7-8]), но смысл метафизический, принимая в зависимости от эпохи и миропонимания различные «конкретные идеологические выражения (бог, абсолютная истина, суд совести, народ, суд истории, наука и т.п.)» [5, с. 322-323].

Эти положения М. М. Бахтина перекликаются с положениями его старшего современника Э. Гуссерля об историческом характере познания, сущность которого, по Э. Гуссерлю, состоит в раскрытии предметного бытия в его исторической традиции. Согласно Э. Гуссерлю, всякий предмет существует для познания (является онтологическим феноменом), прежде всего, будучи коррелятом соответствующих актов сознания, представляющих собой «конститутивный процесс» – традицию, задающую строение предмета способом его данности в интересующем интенциональном переживании или в ряду таких переживаний, где единичная субъективность предстает «конституирующим Я»: «...одно Я... воздействует на другое Я и наоборот, усваивает акты другого Я, тем самым становясь носителем чужеродных духовных функций». Истинное же познание предмета (познание предмета как он есть, т.е. в его корреляции сознанию) представляет собой рефлексивное раскрытие той последовательности переживаний (интенциональной истории), в которой этот предмет был конституирован. Полное же раскрытие конституции предмета всегда предполагает активное воспроизведение (реактивацию) «чужеродных духовных функций», представляемых в сознании познающего в качестве пассивной интенциональности как данность предмета, сконституированного другими. Существенным является то, что отдельное Я никогда не начинает конститутивный процесс, но всегда только усваивает и продолжает его. При этом усвоение «чужеродных духовных функций» приводит к стиранию онтологической границы между *ego* и *alter ego*, означая снятие исторической определенности индивидуального сознания, которое в бесконечном процессе реактивации имеет своим идеальным пределом абсолютное сознание, т.е. сознание, лишенное исторических границ [8, с. 14-18].

Из этих посылок Э. Гуссерль выводил свою концепцию кризиса европейских наук, состоящего, по его мнению, не в том, что развитие этих наук замедлилось или натолкнулось на непреодолимое препятствие, но в том, что смысловое содержание предмета научного исследования стало пониматься натуралистически, т.е. в отрыве от его становления в истории, а само исследование стало основываться исключительно на дедуктивной формально-логической очевидности, вследствие чего научное познание лишилось конкретно-смыслового наполнения, хотя и привело к росту знаний [Там же, с. 16-17].

Очевидно, что теоретические построения Э. Гуссерля, ясно демонстрируя связь его герменевтики с немецким классическим идеализмом, обнаруживают противоречие, которое можно экстраполировать на общее философское основание концепций антропологического поворота в исторической науке, состоящее в том, что все попытки ухода от универсалистских исследовательских схем в этой науке в пределе оборачиваются лишь другими универсалистскими схемами. Тем не менее критика мировоззрения Э. Гуссерля стала одной из основ философии постмодернизма, целью которой как раз и стало устранение обозначенного противоречия.

Проведенный краткий разбор некоторых философских и теоретических аспектов ряда концепций исторического познания позволяет сделать следующие **выводы**. Соотношение макро- и микроподходов в исторических исследованиях продолжает оставаться дискуссионной проблемой, главным содержанием которой является невозможность отказа от универсальных исторических теорий при необходимости проведения исследований, конкретизирующих локальную и хронологическую антропологию исторического процесса. Некоторое разрешение этого противоречия в последние годы сводится к тому, что в исторических исследованиях происходит совмещение методов микроанализа с их теоретическим представлением в рамках глобальных или региональных схем макроисторических процессов. Вместе с тем отмеченный диалогизм как метод микроисторического познания предполагает движение от каузального объяснения исторических феноменов к их контекстуальной интерпретации, реализующейся через интересующее конструирование и широту теоретических позиций исследователя, создающего таким образом наиболее исчерпывающее представление об исследовательском предмете.

Список источников

1. Асмус В. Ф. Метафизика Аристотеля // Аристотель. Сочинения: в 4-х т. / ред. В. Ф. Асмус. М.: Мысль, 1976. Т. 1. С. 5-50.
2. Барг М. А. Учение об общественно-экономических формациях и конкретный анализ исторического процесса // Очерки методологии познания социальных явлений. М.: Мысль, 1970. С. 249-299.
3. Баткин Л. М. Заметка о диалогическом подходе к культурным текстам // Одиссей. Человек в истории. *Imitatio Christi* в религиозной культуре. Возможно ли изучение истории повседневности Средневековья? / отв. ред. А. О. Чубарьян; Институт всеобщей истории Российской академии наук. М.: Наука, 2014. С. 4-18.
4. Баткин Л. М. К спорам о логико-историческом определении индивидуальности // Одиссей. Человек в истории. Личность и общество / отв. ред. А. Я. Гуревич; Институт всеобщей истории Российской академии наук. М.: Наука, 1990. С. 59-76.
5. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
6. Бессмертный Ю. Л. Некоторые соображения об изучении феномена власти и о концепциях постмодернизма и микроистории // Одиссей. Человек в истории. Представления о власти / отв. ред. Ю. Л. Бессмертный; Институт всеобщей истории Российской академии наук. М.: Наука, 1995. С. 4-20.

7. Бессмертный Ю. Л. Новая демографическая история // Одиссей. Человек в истории. Картина мира в народном и ученом сознании / отв. ред. Ю. Л. Бессмертный; Институт всеобщей истории Российской академии наук. М.: Наука, 1994. С. 239-257.
8. Борисов Е. В. Исторический аспект познания в поздних работах Э. Гуссерля // Методология науки. Томск: Изд-во ТГУ, 1997. Вып. II. Нетрадиционная методология. С. 14-19.
9. Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990. С. 602-639.
10. Гуревич А. Я. Апории современной исторической науки - мнимые и подлинные // Одиссей. Человек в истории. Культурная история социального / отв. ред. А. Я. Гуревич; Институт всеобщей истории Российской академии наук. М.: Наука, 1997. С. 233-251.
11. Гуревич А. Я. Несколько замечаний к дискуссии о личности и индивидуальности в истории культуры // Одиссей. Человек в истории. Личность и общество / отв. ред. А. Я. Гуревич; Институт всеобщей истории Российской академии наук. М.: Наука, 1990. С. 76-90.
12. Ионов И. Н. Историческая наука: трансформации на рубеже веков // Общественные науки и современность. 2018. № 5. С. 87-101.
13. Людтке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история: ежегодник: 1998-1999. М.: РОССПЭН, 1999. С. 70-90.
14. Медик Х. Микроистория // Thesis: альманах. М.: ИГИТИ им. А. В. Полетаева, 1994. Вып. 4. С. 193-202.
15. Могильницкий Б. Г. Макро- и микроподходы в историческом исследовании (историографический ракурс) // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 2 (6). С. 14-21.
16. Ревель Ж. Микроисторический анализ и конструирование социального // Одиссей. Человек в истории. Историк в поисках метода / отв. ред. А. Я. Гуревич; Институт всеобщей истории Российской академии наук. М.: Наука, 1996. С. 112-134.
17. Чернова Е. Л. Почему М. Вебер? Немецкая история повседневности в поисках методологической основы // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2018. № 4. С. 54-62.
18. Berger P. L., Luckmann T. The Social Construction of Reality. L.: Penguin Books, 1966. 249 p.
19. Iggers G. Historiography in the Twentieth Century: From Scientific Objectivity to the Postmodern. Middletown: Wesleyan University Press, 2005. 198 p.
20. Simon Z. B. Microhistory: In General [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/281389224_Microhistory_In_General (дата обращения: 15.11.2020). DOI: 10.1093/jsh/shv005.

Информация об авторах | Author information

RU

Кази́ев Эдуа́рд Викто́рович¹

Суда́кова Татъя́на Григо́рьевна², к. ист. н.

¹ Институт истории и археологии Республики Северная Осетия - Алания, г. Владикавказ

² Владикавказский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

EN

Kaziev Eduard Viktorovich¹

Sudakova Tatyana Grigor'evna², PhD

¹ Institute of History and Archaeology of the Republic of North Ossetia - Alania, Vladikavkaz

² Financial University under the Government of the Russian Federation (Branch) in Vladikavkaz

¹ kedmon@rambler.ru, ² sudakova2020@rambler.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 29.10.2020; опубликовано (published): 30.12.2020.

Ключевые слова (keywords): историческое познание; микроанализ; макроанализ; антропологический поворот; historical cognition; micro-analysis; macro-analysis; anthropological turn.